

© К. Ю. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ

О ПРЕПОДАВАНИИ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА НА КУРСАХ Н. П. РАЕВА

Преподавание на Высших женских историко-литературных и юридических курсах Н. П. Раева — важный и по сей день совершенно не исследованный эпизод биографии Вяч. Иванова, о котором сам поэт лаконично писал в «Автобиографическом письме» к С. А. Венгеру, суммарно характеризуя период своей жизни после смерти 17 октября 1907 года Л. Д. Зиновьевой-Аннибал: «Я посвящал в последующие годы много усилий делу петербургского Религиозно-философского общества, а также делу Общества ревнителей художественного слова, основанного покойным Иннокентием Анненским, С. К. Маковским и мною, и в течение двух лет был преемником Анненского, в качестве преподавателя греческой и римской литературы, на Высших женских курсах Раева».¹ К сожалению, никаких упоминаний этого немаловажного педагогического опыта не находим ни в единственном пока биографическом очерке О. Дешарт о поэте,² ни в наиболее авторитетных справочных изданиях.³

Архивные разыскания, проведенные мною, думаю, дают наконец возможность достаточно подробно осветить этот эпизод в жизни Вяч. Иванова, точка отсчета которого названа им самим, а именно: смерть И. Ф. Анненского 30 ноября 1909 года. Однако когда именно началось преподавание, как скоро один поэт сменил другого на кафедре, достоверно неизвестно. Сам Вяч. Иванов в «Автобиографическом письме» указал лишь, что в 1912 году он «закончил в Риме исследования об отдельных проблемах религии Диониса». Из других источников можно заключить, что он покинул Петербург и отправился в Италию 19 мая 1912 года.⁴

¹ Иванов Вяч. Автобиографическое письмо С. А. Венгеру // Русская литература XX века (1890—1910) / Под ред. проф. С. А. Венгерова. М., 1916 [1917]. Т. 3. Кн. 8. С. 95. О своем преподавании здесь Вяч. Иванов неизменно упоминал и в других, менее пространственных автобиографических текстах.

² Дешарт О. Введение // Иванов Вяч. Собр. соч.: В 4 т. Bruxelles, 1971. Т. I. С. 7—227.

³ См., например: Русские писатели: 1800—1917. М., 1992. Т. 2. С. 372—377; Православная энциклопедия. М., 2009. Т. XX. С. 645—652 (статья Н. В. Котрелева).

⁴ Так, живший на Башне М. А. Кузмин отметил 18 мая 1912 года в дневнике, что «все хлопоты об отъезде», а на следующий день записал: «Все насилу вымелись» (Кузмин М. А. Дневник. 1908—1915 / Предисл., подг. текста и комм. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб.,

Наиболее ценные сведения о трудоустройстве поэта и о его преподавательской деятельности обнаружались в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга, но не в фонде 52, отдельном фонде Высших женских историко-литературных и юридических курсов Н. П. Раева (здесь аккумулированы по преимуществу сведения о слушательницах, а не об их преподавателях), а в документах Канцелярии попечителя Петроградского учебного округа в том же хранилище, а также в фонде Министерства народного просвещения в Российском государственном историческом архиве в Петербурге. В Институте русской литературы (Пушкинском Доме) сохранились подготовительные материалы к курсам, которые читал Вяч. Иванов (как таковые, впрочем, не идентифицированные). Кое-какие документы отложились и в самом объемном фонде поэта в Российской государственной библиотеке в Москве.

Имеет смысл, видимо, вкратце остановиться на истории курсов Раева по архивным материалам, чтобы дать представление об уровне преподавания здесь и особенностях этого учебного заведения. Как известно, высшее женское образование становится фактом русской жизни лишь в царствование Александра II; в конце 1850-х годов женщины были допущены к посещению лекций в университетах в качестве вольнослушательниц, а в 1869 году были открыты первые специальные курсы для них в Петербурге и в Москве. В последующие годы количество их стремительно росло — и в столицах, и в провинции.

Санкт-Петербургские Высшие Женские историко-литературные курсы Н. П. Раева (таково было официальное название этого учебного заведения) хотя и возникли сравнительно поздно, но оставили заметный след в русской культуре начала XX столетия — главным образом в силу блестящего состава преподавательских сил.⁵ Учреждение курсов действительно статскому советнику Николаю Павловичу Раеву было разрешено высочайшим повелением от 3 декабря 1905 года при соблюдении двух условий: утверждения правил о курсах и привлечения к преподаванию лиц, «обладающих надлежащим научным цензом».⁶ Организационная фаза завершилась к осени 1906 года, когда было начато систематическое обучение слушательниц. В преддверии этих событий Раев обратился 8 августа 1906 года к попечителю Петербургского учебного округа с письменной просьбой об утверждении профессорами курсов «по вольному найму» двенадцати преподавателей (л. 5) и представил текст необходимых правил,⁷ в которых было закреплено

2005. С. 352—353). См. также письмо М. О. Гершензона М. В. Сабашникову из Силламыги от 27 мая 1912 года, в котором сообщается об отъезде Вяч. Иванова за границу как о свершившемся факте (РГБ. Ф. 261. Карт. 3. Ед. хр. 41. Л. 7).

⁵ Из слушательниц курсов пользуется широкой известностью, пожалуй, только одна — Анна Ахматова. О ее обучении, начавшемся здесь, видимо в октябре 1911 года, почти ничего не известно, кроме примерного времени поступления (*Черных В. А.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 2-е изд., испр. и доп. М., 2008. С. 70; на основании дела: ЦГИА СПб. Ф. 52. Оп. 1. Д. 21. Л. 37). В позднейшей заметке «В десятом году» А. Ахматова писала также о ряде событий осени 1911 года, в том числе и следующее: «Вяч(еслав) встретил меня на Раевских курсах, где он читал лекции, и пригласил на „Понедельники“ (уже не «Среды»)» (*Ахматова А.* Победа над Судьбой / Сост., подг. текстов, предисл. и прим. Н. Крайневой. М., 2005. Т. I: Автобиографическая и мемуарная проза. Бег времени. Поэмы. С. 57).

⁶ Об открытии Раевым частных высших женских курсов, о преподаваемых предметах и принятии в число слушателей лиц иудейского вероисповедания (нач. 17 марта 1906, оконч. 24 апр. 1917 г.) // ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 10526. Л. 1. Далее ссылки на эту архивную единицу даются в тексте с указанием листа.

⁷ Перечислю в первую очередь тех, кто вел занятия на историко-литературном факультете курсов (в скобках указаны предметы на основании других, позднейших документов): К. М. Аггеев (богословие), А. И. Введенский (философия), Н. А. Котляревский (всеобщая литература), В. В. Сиповский (русская литература), С. М. Середонин (русская история), Ф. Ф. Зелинский (ис-

преподавание следующих предметов на историко-литературном факультете курсов: богословие, психология, логика, педагогика, философия, русская литература, всеобщая литература, русская история, всеобщая история, история искусств, латинский язык для желающих (л. 11).⁸

В последующие годы программа обучения на курсах дифференцировалась и совершенствовалась, круг предметов расширялся, с чем было связано приглашение новых преподавателей. Их имена узнаем главным образом из ходатайств Раева перед попечителем учебного округа. По этой причине начало педагогической деятельности на курсах фиксируется довольно точно, тогда как о ее прекращении остается по большей части лишь гадать.

Перед началом следующего учебного года Раев в письме от 1 августа 1907 года просил утвердить профессорами курсов ординариусов Санкт-Петербургского университета правоведов Э. Д. Гримма, М. Я. Пергамента, И. Х. Озерова и преподавателями курсов его приват-доцентов Е. В. Аничкова, В. Н. Сперанского, а также преподавателя Технологического института М. В. Бернадского (л. 34 об.).⁹

Еще почти через год, 12 августа 1908 года, было подано ходатайство об утверждении профессором курсов экстраординариуса И. Д. Андреева, а преподавателями И. Ф. Анненского, В. Б. Ельяшевича, Н. М. Каринского, П. И. Люблинского, П. Б. Струве и Б. М. Фармаковского (л. 40).¹⁰ 9 сентября 1908 года Раев обратился к попечителю округа с просьбой об утверждении профессором курсов доктора славянской филологии А. Л. Погодина, «бывшего ординарного профессора Варшавского университета». 8 ноября 1908 года Раев сообщал о принятом им решении ввести на курсах для желающих уроки древнегреческого языка, в связи с чем стремился заручиться разрешением на трудоустройство статского советника С. О. Цыбульского (л. 46). Тем же числом помечено ходатайство об утверждении профессором Ф. А. Брауна (л. 46).

19 февраля 1909 года Раев, подводя итог четырехлетней деятельности курсов, перечислил уже 17 предметов, которые к тому моменту преподавались на его курсах для слушателей историко-филологического отделения (л. 50). При сравнении нового списка с приведенным выше (от 8 августа 1906 года) следует отметить как появление новых дисциплин (русский язык, общее языкознание), так и более специализированное преподавание ряда предметов. Так, античная литература читалась, видимо, поначалу довольно кратко, в составе общего курса, то же можно сказать и об истории Греции, и об истории Рима; теперь они выделены в отдельные позиции. В качестве обязательных для обучающихся фигурируют английский, латинский, немецкий и французский языки и древнегреческий для желающих (Греция), П. П. Митрофанов (история Рима), В. И. Протасов (латинский язык). На юридическом факультете преподавали: Л. К. Дымша, Л. И. Петражицкий, М. А. Рейснер (отец писательницы), В. В. Святловский.

⁸ Уже в первые месяцы работы курсов возникли осложнения с местной полицией, потребовавшей выселения слушательниц еврейского происхождения из столицы. Несмотря на то что по действовавшему законодательству обучение в подобных учебных заведениях не давало права на проживание в крупных городах «лицам иудейского вероисповедания», действительному статскому советнику Раеву удалось добиться оставления в Петербурге «уже принятых слушательниц» (л. 13—24). В этом ему, несомненно, помогли и собственные бюрократические связи, и широкая известность его отца — преосвященного Палладия (в миру Павла Ивановича Раева), с 1892 по 1898 год (до самой смерти) митрополита Санкт-Петербургского и Ладужского.

⁹ Здесь и далее речь идет в подавляющем числе случаев об ученых достаточно известных; о них нетрудно разыскать биографические сведения, которыми поэтому основное изложение не перегружалось.

¹⁰ Со всей очевидностью в связи с сомнениями в их благонадежности возникли некоторые проволочки с утверждением преподавателями П. Б. Струве и В. Б. Ельяшевича (л. 42). Однако уже 12 сентября было принято положительное решение (л. 45).

щих. Главная цель подобного представления заключалась в том, чтобы добиться права для окончивших курсы сдавать экзамены по образцу университетов, что, в свою очередь, должно было означать, что выпускницы будут получать право преподавания в старших классах женских гимназий.

Очевидно, что подобное приравнение курсов Раева к наиболее престижным учебным заведениям России, открывавшее возможности более успешного дальнейшего трудоустройства учащихся, не могло не стать залогом жизнеспособности курсов, способствовать притоку новых платежеспособных слушательниц. К слову сказать, своей цели Раеву удалось добиться только четыре года спустя — как явствует из документов Департамента народного просвещения, лишь 4 сентября 1913 года попечитель Санкт-Петербургского учебного округа был извещен о том, что слушательницы, представившие удостоверение об окончании курсов Раева, «допускаются к экзаменам в испытательных комиссиях на тех же основаниях, что и лица, получившие выпускное от ун-тов свидетельство» (л. 150).¹¹ Отсутствие такой педагогической перспективы у изучавших юриспруденцию на курсах и неостребованность женщин-правоведов в Российской империи были причиной малочисленности юридического факультета, аудитории которого порой пустовали.¹²

Не имея намерения писать подробную историю курсов Раева, бегло перечислю лишь тех, кто преподавал на историко-филологическом факультете в то время, когда с ним был связан Вячеслав Иванов, тем более что с одними из коллег его связывали дружеские отношения, а с другими предстояло еще встретиться на академическом поприще (как, например, с В. В. Сиповским в Бакинском университете).

Из ходатайств Раева узнаем, что летом и ранней осенью 1909 года на курсы были определены преподавателями Н. А. Гредескул,¹³ Н. С. Карцов, Я. Л. Барсков, В. Н. Бенешевич, В. Д. Кузьмин-Караваев, К. Н. Соколов, А. Л. Фрейтаг-Лоринговен, Л. С. Таль (л. 57—61, 66); профессором — А. С. Кривцов (л. 59). Через год в качестве профессоров курсов были утверждены Ф. В. Тарановский (л. 79) и М. А. Таубе (л. 81), преподавателями — П. А. Кулаковский, А. И. Буковицкий, Н. В. Ястребов, руководителем практических занятий — А. В. Попов (л. 81—84). 23 февраля 1911 года Раев хлопотал об утверждении В. В. Сокольского и А. С. Яценко профессорами курсов правоведов (л. 88), а 11 июля — Л. В. Щербы преподавателем общего языкознания. В начале осени 1912 года профессорами были утверждены В. К. Хилинский (по истории Востока), а вскоре и М. Р. Фасмер по кафедре сравнительной грамматики славянских языков (л. 135, 137). Из тех, кто стал читать здесь лекции позже, назову лишь Н. О. Лосского (март 1914; л. 165—166); С. Л. Франка, А. И. Заозерского, А. А. Васильева (сентябрь 1914; л. 179—180); П. Н. Сакулина, Н. П. Оттокара (май 1915; л. 222); А. И. Малеина (февраль 1914; л. 244); В. Н. Перетца (ноябрь 1916; л. 245—247); О. К. Недзвецкую (ноябрь 1916; л. 248). Имеет смысл упомянуть, что курсы Раева, по всей видимости, полноценно функционировали до

¹¹ Ср.: Санкт-Петербургские высшие женские историко-литературные и юридические курсы д. с. с. Раева // РГИА. Ф. 733 (Департамент народного просвещения). Оп. 155. Ед. хр. 655. Л. 1.

¹² Так, в своем письме попечителю округа от 27 января 1912 года (л. 109) Раев был вынужден констатировать «отсутствие желающих поступить вновь на юридический факультет» и просил утвердить с 1 сентября 1911 года, т. е. со дня фактического прекращения лекций, увольнение следующих профессоров: М. А. Рейснера (государственное право), Ф. В. Тарановского (русское право), В. Н. Сперанского (история философии права), Р. М. Орженицкого (статистика), В. В. Святловского (политическая экономия), Л. И. Петражицкого (энциклопедия права).

¹³ О нем как об «имеющем предосудительное в политическом отношении прошлое» возникла даже отдельная переписка, частью с грифом «секретно» (л. 53—56 об.).

начала лета 1917 года.¹⁴ В конце мая Н. П. Раев и его жена подписали договоры о передаче своих прав на дальнейшее содержание этого учебного заведения инженеру путей сообщения Вячеславу Александровичу Яцыне,¹⁵ однако необратимые политические изменения привели к тому, что деятельность курсов вскоре прервалась навсегда.

Но вернемся к осени 1909 года: в разгар учебного процесса, 30 ноября скоропостижно скончался И. Ф. Анненский. Он был официально приглашен к преподаванию в марте 1908 года, выбрал темой своих лекций историю античной драмы и имел возможность основательно их подготовить (занятия у Раева, судя по всему, начинались в сентябре—октябре и оканчивались в апреле—мае). Этот курс был прочитан в 1908—1909 годах и опубликован в 1909 году литографическим способом (его комментированное и дополненное переиздание вышло в свет в 2003 году).¹⁶ Осенью 1909 года, по свидетельству Зелинского, он повествовал уже о греческом эпосе. Видимо, параллельно были начаты «Лекции по римской литературе», состоялось всего девять занятий.¹⁷ О том, как они происходили, можно составить представление и по самим литографированным лекциям, и по мемуарному очерку, которым Зелинский почтил Анненского в «Аполлоне» и который прекрасно передает атмосферу, царившую на курсах.¹⁸

Именно Зелинский, видимо, стал инициатором скорейшего приглашения Вячеслава Иванова на курсы после внезапной смерти Анненского. Думается, уже в конце 1909 года Вячеслав Иванов получил неофициальное приглашение занять место собрата по перу на кафедре.¹⁹ Новый status quo настоятельнейшим образом требовал и бюрократической легитимации, поэтому 19 января 1910 года Раев обратился к графу А. А. Мусину-Пушкину, бывшему тогда попечителем Санкт-Петербургского учебного округа, с официальным письмом. Воспроизведем его по подлиннику (л. 68—68 об.):

С.-Петербургские Высшие Женские
Историко-литературные и Юридические курсы.
19 января 1910
С.-Петербург, Гороховая ул., 20
тел. № 294-81
№ 1211

ЕГО СИЯТЕЛЬНОМУ ГОСПОДИНУ ПОПЕЧИТЕЛЮ СПБ.
учебного округа

Совет профессоров Курсов, озабочиваясь замещением преподавателя по истории античной литературы, постановил просить меня ходатайствовать пред

¹⁴ 24 апреля 1917 года администрация курсов хлопотала перед канцелярией округа о получении талонов на льготный проезд по городу для своих слушательниц (л. 259). На этом обрывается дело о курсах Н. П. Раева в ЦГИА СПб.

¹⁵ РГИА. Ф. 733 (Департамент народного просвещения). Оп. 155. Ед. хр. 655. Л. 41, 42—42 об.

¹⁶ *Анненский И. Ф.* История античной драмы: Курс лекций / Сост., вступ. статья В. Е. Гитина, подгот. текста В. Е. Гитина при участии В. В. Зельченко, прим. В. В. Зельченко. СПб., 2003. 416 с.

¹⁷ Записи почти всех из этих лекций см.: Там же. С. 283—293.

¹⁸ *Зелинский Ф.* Иннокентий Федорович Анненский как филолог-классик // *Аполлон*. 1910. № 4. Отд. 1. Хроника. С. 1—9.

¹⁹ Имеет смысл отметить, что в начале того же года некоторое время посещала курсы Н. П. Раева В. К. Шварсалон. Так, М. М. Замятнина писала Е. П. Иолшиной 31 января 1909 года: «Вера усиленно готовится к аттестату зрелости и ходит пока на Раевские курсы, т(ак) к(ак) никуда без аттестата рус(ского) не приняла» (РГБ. Ф. 109. Карт. 19. Ед. хр. 55. Л. 2 об.; сообщено А. Л. Соболевым). Сохранилось также письмо канцелярии курсов к В. К. Шварсалон от 5 ноября 1910 года (Там же. Карт. 28. Ед. хр. 43).

Вашим Сиятельством о разрешении допустить временно к чтению лекции *(sic)* по этому предмету бывшего студента Московского университета писателя Вячеслава Ивановича Иванова, живущего по Таврической улице в д. № 25.²⁰

Принимая во внимание, что г. Иванов изучил античные древности в Берлинском университете под руководством знаменитого профессора Гиршфельд *(sic)*, что г-н Иванов известен своими учеными трудами, из коих «Эллинская религия» выходит уже 2-м изданием, я охотно беру на себя обязанность ходатайствовать перед Вашим Сиятельством о временном допущении г-на Иванова к чтению лекции на Историко-литературных и юридических курсах или же о назначении его ассистентом к профессору древней истории Ф. Ф. Зелинскому.

Насколько мне известно, г-н Иванов уже изготовил научный труд на латинском языке, который намерен представить для получения ученой степени.

Директор курсов Раев

Следующий документ, сохранившийся в том же деле, — это отпуск письма к Раеву от 23 января 1910 года, подписанный правителем канцелярии попечителя. Он содержит всего лишь абзац, отказ при этом никак не аргументируется: «Канцелярия Попечителя СПб. уч. окр., по распоряжению Начальства имеет честь сообщить Вашему Превосходительству, что просьба Ваша о допущении к чтению лекций на Ваших курсах В. Иванова удовлетворена быть не может» (л. 69). Совершенно очевидно, что если для русских литераторов-модернистов Вячеслав Иванов был к этому времени признанным мэтром, для антиковедов — эрудированным коллегой, прошедшим солидную выучку в Германии, этой твердыне классической филологии, то для чиновников он был просто недоучившимся студентом, не обладавшим необходимым дипломом для зачисления даже в ассистенты.

К вопросу о Вячеславе Иванове попечитель учебного округа А. А. Мусин-Пушкин был принужден вернуться почти через два месяца, когда получил от Григория Константиновича Ульянова, товарища министра просвещения, следующее письмо (л. 73—73 об.):

Товарищ министра народного просвещения,
15 марта 1910 г.
№ 7987

Милостивый государь, граф Александр Алексеевич.

В Министерство Народного Просвещения поступило заявление профессора С.-Петербургского университета Ф. Ф. Зелинского о том, что избранный Советом Высших С.-Петербургских историко-литературных и юридических курсов Н. П. Раева для замещения вакантной после смерти И. Ф. Анненского кафедры античной словесности писатель Вячеслав Иванов не утвержден в должности преподавателя названных курсов.

Не располагая сведениями по возбужденному профессором Зелинским вопросу и принимая во внимание, что по положению об означенных курсах утверждение в должности преподавателей курсов зависит от Вашего Сиятельства, имею честь покорнейше просить Вас сообщить, было ли возбуждено пред Вашим Сиятельством ходатайство об утверждении писателя Иванова преподавателем курсов Н. П. Раева и, в утвердительном случае, по

²⁰ Слева на полях около окончания этого абзаца, видимо А. А. Мусиным-Пушкиным, сделана приписка: «Не считаю себя вправе».

каким соображениям было отказано названному лицу в предоставлении упомянутой должности.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности.

Г. К. Ульянов

На л. 73, справа от основного текста письма Ульянова Мусиным-Пушкиным была сделана приписка,²¹ на которую опирались его подчиненные при составлении краткого ответного письма, отпуск которого сохранился здесь же (л. 74). Как выясняется, в середине января 1910 года Мусин-Пушкин лично докладывал Ульянову о затруднениях, возникающих при допущении Вячеслава Иванова к преподаванию. Ульянов либо забыл об этом, либо же, скорее всего, так как вопрос обсуждался устно, захотел получить письменное пояснение для предстоявшего доклада министру просвещения (им был с 25 сентября 1910 года по 26 ноября 1914 года Лев Аристидович Кассо). Приведем текст письма Мусина-Пушкина по отпуску (л. 74):

№ 5583 17/18 марта 1910 г.

Мил<остивый> г<осударь> Гр<игорий> Конст<антинович>

Вследствие письма от 15 марта за № 7987 имею честь сообщить, что я лично докладывал В<ашему> П<ревосходительству> о том, что Совет высших С<анкт->П<етербургских> историко-лит<ературных> и юрид<ических> курсов Н. П. Раева избрал для замещения вакантной после смерти И. Ф. Анненского кафедры античной словесности писателя Вячеслава Иванова, но так как Иванов в русском учебном заведении не учился вовсе, а в Берлине, хотя и усердно работает, экзамена не держал, а между тем по положению о названных курсах к преподаванию допускаются только лица с высшим образованием, я затруднился утвердить Иванова преподавателем курсов. На этот доклад мой Вашему Превосход<ительству> угодно было выразиться, что и Вы с Вашей стороны не считаете возможным допущение Иванова к преподаванию, вследствие чего я и не удовлетворил ходатайства Совета Курсов.

Пр<имите> ув<ерение и проч.>

По-видимому, лишь в самом начале мая 1910 года Г. К. Ульянов лично доложил все обстоятельства дела министру просвещения Л. А. Кассо, который принял положительное решение. Ульянов известил о нем Мусина-Пушкина письмом от 7 мая 1910 года (л. 77):

Товарищ министра народного просвещения
7 мая 1910 г. № 13421

Милостивый Государь, Граф Александр Алексеевич.

В ответе на письмо от 17 марта за № 5583 имею честь уведомить Ваше Сиятельство, что в виду засвидетельствованной профессором С.-Петербургского университета Ф. Ф. Зелинским научной подготовки В. Иванова, Г. Министр не усматривает препятствий к допущению его к преподаванию античной словесности на курсах Н. П. Раева.

Примите уверение в глубоком уважении и преданности.

Г. Ульянов

²¹ Приведу ее текст: «Прошу ответить письмом, в котором сказать, что я лично докладывал это дело Г. К. Ульянову у него в кабинете и сей узнав, что Иванов даже не кандидат даже русского ун-та нашел невозможным его допустить к чтению лекции на Раевск<их> курсах» (л. 73).

Этот документ завершает почти пятимесячную переписку по допуску к преподаванию бездипломного поэта на курсах Раева в фонде Петербургского учебного округа. Как кажется, сам Вячеслав Иванов был заинтересован в нем, ибо как раз в эти годы, после смерти в 1907 году его второй жены, перед ним остро встал вопрос собственного общественного статуса, а возвращение к академической деятельности было одной из наиболее очевидных возможностей упрочить свое положение и обрести некоторый заработок. Знакомство, а затем и сближение со столь влиятельными учеными, высоко оценившими познания и таланты Вяч. Иванова, как Ф. Ф. Зелинский и М. И. Ростовцев, казалось бы, создавало благоприятные предпосылки для несколько запоздалой академической карьеры. Не случайно именно в это время Вяч. Иванов интенсивирует подготовку к печати своей латинской диссертации, одобренной в Берлинском университете, но там не защищенной. В этом контексте весьма существенна фраза в приведенном выше письме Н. П. Раева А. А. Мусину-Пушкину от 19 января 1910 года о том, что «г-н Иванов уже изготовил научный труд на латинском языке, который намерен представить для получения ученой степени».

Как явствует из вышеприведенных документов, главную роль при вынесении решения о допуске Вяч. Иванова к преподаванию сыграло письмо Зелинского, направленное министру просвещения. Мне удалось разыскать его в Российском государственном историческом архиве, в деле, объединяющем самые различные документы, касающиеся частных курсов по всей империи и о назначении преподавателей для них.²² Сознвая длительность возможных проволочек, Зелинский уже после того, как был получен отказ от попечителя, датированный 23 января 1910 года, добился встречи с товарищем министра Г. К. Ульяновым (узнаем об этом из публикуемого ниже письма) и по его совету в самом начале февраля 1910 года обратился к министру просвещения с развернутым письмом²³ в поддержку Вячеслава Иванова. Оно вносит яркий штрих в скудную картину наших знаний о раннем периоде знакомства поэта с Зелинским.²⁴ Привожу текст письма по автографу,²⁵ снабдив его необходимыми примечаниями:

Его Высокопревосходительству
Г-ну Министру Народного Просвещения

Два месяца тому назад на Высших Женских Историко-Литературных курсах Н. П. Раева, вследствие скоропостижной смерти И. Ф. Анненского, стала вакантной кафедра античной словесности. Как представитель смежной кафедры античной (греческой) истории и ближайший сподвижник покойного, я счел своим прямым долгом предложить кандидата в заместители

²² Об учреждении частных курсов и переписка о назначении преподавателей. 10 февраля 1910 г.—3 апр. 1911 г. // РГИА. Ф. 733 (Департамент народного просвещения). Оп. 154. Ед. хр. 688.

²³ Письмо поступило в Департамент народного просвещения 4 февраля, именно этим числом датирована помета: «вниманию Его Пр. Г. К. Ульянова»; ниже следует несколько штампов, документирующих движение письма Зелинского на стол товарища министра народного просвещения: 5, 6 и 8 февраля 1910 года.

²⁴ Зелинский не без самоиронии описывает то, как он впервые обратил на себя внимание поэта — во время лекции Вячеслава Иванова в 1905 году под ним сломался стул и он рухнул на землю (Зелинский Ф. Ф. Вячеслав Иванов // Русская литература XX века (1890—1910) / Под ред. С. А. Венгерова. М., 1916. Т. 3. Кн. 8. С. 100). Далее в этой статье Зелинский все свое внимание обращает на литературное творчество поэта, не касаясь истории своей дружбы с ним. Проанализированы и опубликованы лишь письма Зелинского Вяч. Иванову эмигрантского периода (см.: Тахо-Годи Е. А. Великие и безвестные: очерки по русской литературе и культуре XIX—XX вв. СПб., 2008. С. 295—393). Письма Вяч. Иванова к Зелинскому погибли вместе со всем архивом последнего в начале Второй мировой войны.

²⁵ РГИА. Ф. 733 (Департамент народного просвещения). Оп. 154. Ед. хр. 688. Л. 7—8 об.

ему. Требовался человек не только знающий, но и занимающийся античностью и в то же время обладающий даром хорошо и увлекательно излагать свои мысли; последнее — в виду особого характера аудитории, молодых девиц очень дружелюбно настроенных к античности, но в то же время не настолько еще окрепших в своем суждении, чтоб сохранить эту любовь и при шероховатом и отпугивающем изложении. После долгих размышлений и переговоров со своими товарищами по университетской кафедре я пришел к убеждению, что единственным возможным кандидатом будет известный в С.-Петербурге писатель Вяч. Ив. Иванов. Совет профессоров в заседании 23-го сего января единогласно избрал г. Иванова лектором античной словесности. В виду спешности дела кандидатура г. Иванова была в ближайший срок через г. Попечителя представлена на утверждение Вашего Высокопревосходительства, но, к сожалению, безуспешно.

В виду важности вопроса для постановки античности вообще на курсах Н. П. Раева я решаюсь вторично после личных переговоров с Его Превосходительством г-ном Товарищем Министра и по его указанию обратиться к Вашему Высокопревосходительству с почтительнейшим ходатайством об утверждении г. Иванова, и имею честь привести в его пользу нижеследующие соображения.

Насколько мне известно, единственной причиной отказа в утверждении г. Иванова было отсутствие у него формального ценза. Действительно, г. Иванов виноват перед самим собою в том, что в дни своей юности, относясь к науке с увлечением пламенного неопита, а не с рассудительностью думающего о своей карьере человека, он пренебрег завершить свое богатое университетское образование (в Москве и в Берлине, где знаменитый Гиршфельд считал его своим лучшим учеником)²⁶ приобретением формального диплома или степени. За это легкомыслие он и был наказан тем, что вот уже 20 лет лишен возможности применить свои обширные знания на ниве родного просвещения. Но если даже Университет имеет право приглашать в состав своей приват-доцентуры лиц, обладающих не формальным, но *реальным* цензом, то тем более это право должно быть признано за частным учебным заведением, каким являются курсы Н. П. Раева.

Реальный же ценз г. Иванова такой, что он с избытком покрывает обусловленный отсутствием формального диплома изъян. Здесь на первом месте должно быть поставлено его глубокое понимание античной поэзии и античности вообще, оно известно его знакомым, имевшим случай говорить с ним на эту тему; оно просвечивает и в его поэтическом творчестве, поскольку оно имело объектом античность (укажу в особенности на его трагедию «Тантал»),²⁷ а равно в ряде его прозаических статей; о нем свидетельствует и ряд его виртуозных переводов из античных поэтов (Пиндара, Вакхилида,

²⁶ Гиршфельд Отто (1843—1922) — немецкий историк; специалист в области истории Рима и эпиграфики; с 1885 года профессор древней истории в Берлинском университете. Хотя обучение у Т. Моммзена, в 1885 году прекратившего преподавать и передавшего кафедру Гиршфельду, является одним из краеугольных камней автобиографического мифа Вяч. Иванова, документально установлено, что именно Гиршфельд был непосредственным научным руководителем поэта в немецкие годы (см. подробнее: *Wachtel M.* Вячеслав Иванов — студент Берлинского университета // *Cahiers du Monde russe. Paris, 1994. Vol. XXXV. № 1—2. P. 353—376*). Этого мнения, как мы видим, придерживался и Зелинский. Ср. также рассказ о «проделках Моммзена» в письме Вяч. Иванова Зиновьевой-Аннибал от 25 декабря 1896 года (6 января 1897 года): *Иванов Вячеслав, Зиновьева-Аннибал Лидия. Переписка: 1894—1903 / Подгот. текста Д. О. Солодкой и Н. А. Богомолова при участии М. Вахтеля; вступ. статья М. Вахтеля и Н. А. Богомолова; комм. Н. А. Богомолова и М. Вахтеля при участии Д. О. Солодкой. М., 2009. Т. 1. С. 514—518.*

²⁷ *Иванов Вяч. Тантал // Северные цветы ассирийские: альманах IV книгоиздательства «Скорпион». М., 1905. С. 197—245.*

Горация).²⁸ Непосредственно ученого содержания обе его крупные работы. Одна на русском языке под заглавием «Религия страдающего бога» (т. е. Диониса), выходящая ныне вторым изданием.²⁹ Это — добросовестное исследование, сделанное, разумеется, по первоисточникам, но и с солидным знанием новейшей специальной литературы, и объединенное оригинальным синтетическим взглядом, о котором гласит заглавие. Другая — на латинском языке с заглавием «*de republicanorum societatibus*».³⁰ Будучи прочитана в рукописи известным нашим специалистом М. И. Ростовцевым,³¹ она по его рекомендации печатается в «Известиях Императорского Археологического Общества» и в скором времени должна выйти.³² Я сам читал корректурные листы и могу засвидетельствовать, что по содержанию это действительно (с чем согласен и проф. Ростовцев) лучшая в настоящее время работа в этой области и что она написана, сверх того, очень хорошей и корректной латынью.

Свои лекторские способности г. Иванов проявил в достаточной степени в своих публичных лекциях, которые всегда в большом количестве посещаются публикой; есть таким образом полное основание ожидать, что он и в этом отношении окажется на высоте своего положения. На том заседании Совета профессоров, на котором г. Иванов был избран, его кандидатуру с особенным жаром поддержал проф. всеобщей литературы Н. А. Котляревский,³³ указывая на то, что благодаря широкому и всестороннему образованию г. Иванова можно ожидать, что он подымет свой предмет на надлежащую всемирно-историческую высоту.

²⁸ Несложно указать, что за переводы первых двух из названных поэтов имеются в виду: «Первая Пифийская ода» Пиндара, опубликованная в 1899 году в «Журнале Министерства народного просвещения» (Ч. 324. Авг. С. 49—56 (4-я пагинация)); дифирамб Вакхилида «Тезей», включенный автором во вторую книгу лирики «Прозрачность» (М., 1904. С. 167—171). В печати к тому времени появился всего лишь один фрагмент из послания Горация к Квинтию (Epist. I, 16) в переводе поэта в кн.: Гревс И. М. Очерки по истории римского землевладения. СПб., 1899. Т. 1. С. 97.

²⁹ Курс лекций Вяч. Иванова, прочитанный в парижской Высшей школе общественных наук в 1903 году, печатался сначала под названием «Эллинская религия страдающего бога» в журнале «Новый путь» в 1904 году (№ 1—3, 5, 8—9), а затем, в 1905 году, под названием «Религия Диониса. Ее происхождение и влияния» в «Вопросах жизни» (№ 1—2). Отдельное издание книги, неоднократно анонсировавшееся в 1910-х годах, в свет не вышло (тираж подготовленного издания погиб — сгорел при пожаре).

³⁰ Об обществах публиканов (лат.).

³¹ Ростовцев Михаил Иванович (1870—1952) — выдающийся историк-антиковед; в 1901—1918 годах — профессор Петербургского университета; в 1925—1944 годах — профессор Йельского университета (Нью-Хейвен). О его научных и дружеских контактах с Вяч. Ивановым см. подробно: Бонгард-Левин Г. М., Вахтель М., Зуев В. Ю. Михаил Иванович Ростовцев и Вячеслав Иванович Иванов (Новые материалы) // Вестник древней истории. 1993. № 4. С. 210—221; републиковано в кн.: Скифский роман / Под общ. ред. Г. М. Бонгард-Левина. М., 1997. С. 248—258.

³² Именно Ростовцев был настоятельным сторонником публикации диссертации Вяч. Иванова, к чему сам поэт относился не особенно рьяно. В письме к Гиршфельду от 14/1 марта 1906 года он просил о пересылке ему диссертации из Берлина в Петербург, упоминая Ростовцева как инициатора напечатания (*Wachtel M. Op. cit. P. 373*). Как можно убедиться из дневников поэта, переговоры о передаче диссертации в набор велись в течение 1906 года, а в начале 1907 года существовала ее корректура, которую после настоятельных напоминаний Иванов вычитал в конце 1909 года и в апреле года следующего снабдил разделом «Addenda», после чего диссертация наконец вышла в свет: *Ivanov V. De societatibus vectigalium publicorum populi Romani: Общества государственных откупов в римской республике* (Ottoni Hirschfeldio: magistro). СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1910. [7]. 132 с. (Записки Классического отд. Русского археологического о-ва. Т. VI).

³³ Котляревский Нестор Александрович (1863—1925) — литературовед; первый директор Пушкинского Дома (с 1910); академик Российской АН (с 1917). Дружеские отношения ученого и его жены, актрисы Александринского театра, с семьей Вяч. Иванова в 1900-е годы установились, видимо, через М. М. Замятнину, с которой Котляревский был знаком еще с начала 1890-х годов (см. его раннюю переписку с Замятниной: РГБ. Ф. 109. Карт. 19. Ед. хр. 60; Карт. 27. Ед. хр. 88).

Если к этому прибавить, что вследствие бедности научных сил, которыми у нас располагает классическая филология, г. Иванов действительно является единственным кандидатом на означенную должность, то его устранение от дела преподавания покажется еще менее соответствующим интересам науки об античности и ее насаждения в России. Г. Иванов ни с кем не конкурирует, никому не стоит поперек дороги: он только заполняет пробел, который кроме него заполнить некому.

Проф. Ф. Зелинский

Как было показано выше, Ф. Ф. Зелинский приложил максимум усилий для того, чтобы Вяч. Иванов возможно скорее включился в преподавание на курсах Раева. И действительно, если бы соответствующее решение было принято хотя бы в течение февраля 1910 года, то Вяч. Иванов имел бы шанс прочесть некоторое число лекций, и курс по античной литературе, начатый Анненским, состоялся бы. Однако бюрократические проволочки и то, что разрешение было дано уже в мае, привели к тому, что выступить в новом качестве Вяч. Иванов смог только осенью 1910 года.

Об условиях, на которых осуществлялось преподавание, можно узнать из следующего официального письма директора курсов к поэту:

22 мая 1910 г.

Милостивый государь Вячеслав Иванович.

Вследствие представления моего и согласно избранию Совета профессоров господин попечитель С.-Петербургского учебного округа утвердил Вас преподавателем учрежденных мною Высших женских историко-литературных и юридических курсов по кафедре античной литературы с 1 сентября сего года.

Сообщая об этом, имею честь уведомить, что по античной литературе положено 2 лекции в неделю, с гонораром по 250 руб. за годовой час.

Для определения времени Ваших лекций, покорнейше прошу Вас пожаловать на Курсы (Гороховая, 20) в один из вторников от 11 до 2 час(ов) дня.

Примите уверение в истинном почтении и преданности.

Н. Раев³⁴

Преподавание Вяч. Иванова на курсах Раева, таким образом, продлилось два учебных года. 19 мая 1912 года поэт в сопровождении В. К. Шварсалон покинул Петербург, а вскоре и Россию — 17 июля 1912 года в городке Невесель на французской стороне Женевского озера у них родился сын Димитрий. Примерно через год в Ливорно, в той же греческой церкви, где в 1899 году был заключен брак с Зиновьевой-Аннибал, состоялось венчание поэта с его падчерицей; здесь же был крещен их сын.³⁵

³⁴ РГБ. Ф. 109. Карт. 28. Ед. хр. 42. Л. 1—1об. В следующем письме, от 16 сентября 1910 года, сохранившемся в этом деле, секретарь курсов извещал В. И. Иванова об исполнении просьбы поэта: расписание было изменено и он стал читать лекции не с 10 до 12 часов по понедельникам, как предполагалось сначала, но с 12 до 14 (Там же. Л. 3). Остальные письма здесь касаются времени сдачи текущих экзаменов.

³⁵ В. Блинов датирует брак летом 1913 года в своей летописи жизни поэта (Poet, Critic and Philosopher. Edited by Robert Louis Jackson and Lowry Nelson Jr. New Haven, 1986. P. 448). В том же убеждают дневники и письма Евгении Герцык, отправившейся в Италию в марте 1913 года, чтобы помочь поэту организовать венчание с В. К. Шварсалон и крещение Димитрия (Герцык Е. К. Лики и образы / Под ред., сост. и комм. Т. Н. Жуковской. М., 2007. С. 12, 820 et passim; Сестры Герцык. Письма. СПб.; М., 2002. С. 638). Н. В. Котрелев полагает, что эти события произошли тремя годами ранее: «брак И(ванова) с падчерицей совершился в 1910, также за границей у греч. священника» (Православная энциклопедия. М., 2009. Т. XX. С. 648; ср.: Русские писатели: 1800—1917. М., 1992. Т. 2. С. 374). В действительности, летом 1910 года, во вре-

В силу этих личных обстоятельств Вяч. Иванову предпочтительнее было остаться за границей. И хотя, покидая Петербург в 1912 году, поэт первоначально предполагал вернуться в северную столицу к началу осеннего семестра, представившаяся возможность за неплохой гонорар заняться переводами греческих лириков для антологии В. О. Нилендера, а также Эсхилом, а затем благодаря поддержке М. В. Сабашникова отдать все силы подготовке увлекшего его полного перевода лирики Алкея и Сапфо,³⁶ привела к тому, что Вяч. Иванов до осени 1913 года задержался в Италии, откуда вернулся уже не в Петербург, но в Москву.³⁷

Но вернемся к пласту архивных документов, проливающим свет уже не на трудоустройство, а на то, как происходило преподавание Вяч. Иванова на курсах. В фонде Петербургского учебного округа их крайне мало — так, к письму Н. П. Раева А. А. Мусину-Пушкину от 10 марта 1912 года приложено «Расписание лекций и практических занятий на Санкт-Петербургских историко-литературных и юридических высших женских курсах». Из него явствует, что античной словесности уделялось в общей сложности четыре часа в неделю на первом курсе и столько же на втором. Половина времени приходилась на лекции, половина — на практические занятия. В числе преподавателей указан «по античной литературе Иванов Вячеслав Иванович», православного вероисповедания (в столбце «образовательный ценз» — пропуск; в графе о месте государственной службы — «не состоит»). Сходный документ находится в деле Департамента народного просвещения, посвященного курсам Раева: это брошюра «Обозрение преподавания наук на Историко-литературных Высших Женских Курсах в С. Петербурге. 1913—1914 год»,³⁸ отпечатанная в типографии Ю. А. Мансфельда в Петербурге (ул. Гоголя, 8). Очевидно, что администрация курсов рассчитывала еще на преподавание Вяч. Иванова в этом учебном году, расположив под № 11 на с. 6 следующую информацию об одном из преподававшихся на курсах предметов:

«Античная литература. В. И. Иванов. Греческая литература. Римская литература. 3 часа.

Пособия: Круазе. Руководство по истории греческой литературы. Магаффи. История греческой литературы. Корш. Всеобщая история литературы под редакцией Корша-Кирпичникова. История греческой литературы 2 ч. т. I».³⁹

мя пребывания в Италии, между поэтом и В. К. Шварсалон возникла интимная близость, брак же был заключен три года спустя.

³⁶ Об обстоятельствах этого сотрудничества см. прежде всего: *Котрелев Н. В.* Материалы к истории серии «Памятники мировой литературы» издательства М. и С. Сабашниковых (переводы Вяч. Иванова из древнегреческих лириков, Эсхила, Петрарки) // Книга в системе международных культурных связей. М., 1990. С. 127—150.

³⁷ Окончательное прекращение деловых отношений с курсами Раева датируется благодаря письму М. М. Замятниной к Л. В. Ивановой от 3/16 мая 1913 года из Рима: «Вчера Вячеслав написал Раеву о своей отставке с его курсов. Таким образом, вопрос с Петербургом окончательно этим как бы решен. Отправив письмо Раеву и декану Середонину, Вячеслав свободно вздохнул, а то последние дни все были в нерешительности и обдумывании окончательном» (РГБ. Ф. 109. Карт. 19. Ед. хр. 52. Л. 44 об.). Выражаю искреннюю признательность А. Л. Соболеву за сообщение этой цитаты.

³⁸ Санкт-Петербургские Высшие женские историко-литературные и юридические курсы д. с. с. Раева // Ф. 733 (Департамент народного просвещения). Оп. 155. Ед. хр. 655. Л. 7—11 об.

³⁹ Об изданиях: *Круазе А. и М.* История греческой литературы. Руководство для учащихся и для самообразования / Пер. с 7-го франц. изд. В. С. Елисейевой; Под ред. и с предисл. С. А. Желбелева. СПб., 1912 (в 1907 году в Москве вышла ч. I в переводе С. И. Радцига); *Магаффи Д. П.* История классического периода греческой литературы / Пер. А. Веселовской. М., 1882—1883. Т. 1—2; Всеобщая история литературы: Сост. по источникам и новейшим исследованиям при участии русских ученых и литераторов / Начата под ред. В. Ф. Корша, окончена под ред. проф. А. И. Кирпичникова. СПб., 1881. Т. I. Ч. 2: История греческой литературы. Ср. перечень пособий, рекомендованных Анненским слушательницам курса 1908—1909 годов: *Анненский И. Ф.* История античной драмы: Курс лекций. С. 294.

Находим Вяч. Иванова и в общем списке преподавателей раевских курсов, приведенном в брошюре.⁴⁰

Из фонда 52 (курсов Н. П. Раева) в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга можно почерпнуть весьма мало информации. В любом случае будущие составители подробной летописи жизни поэта не обойдут вниманием его автографы в ведомостях о приеме экзаменов по античной литературе: в 1911 году — 15 января, 2, 11 и 24 мая; а также в следующем 1912 году — 13 и 16 января, 16, 18 и 20 апреля.⁴¹ Пожалуй, имеет смысл отметить, что в 1911 году в ведомостях фигурирует общий предмет «античная литература», а в 1912 году в них поясняется, что именно сдавалось — греческая или римская литература.

На этом фоне скудости источников определенный интерес приобретает следующее письмо к Вяч. Иванову от 31 октября 1911 года от одной из его слушательниц Валентины Васильевны Загоскиной,⁴² из которого узнаем, что поэт умел увлечь своих слушательниц (и в этом отношении вполне оправдал ожидания Зелинского), а кроме того, обильно цитировал в аудитории стихи античных поэтов в собственных переводах:

31 октября

Простите, ради Бога, Вячеслав Иванович, что я осмелилась Вам написать, не будучи с Вами знакома! Я не знаю как Вы отнесетесь к моей, быть может, нелепой просьбе! Я очень люблю поэзию. Сегодня у нас на лекции (я слушательница курсов Раева) Вы читали такие прелестные стихи, что не могу удержаться от искушения попросить Вас дать мне списать эти отрывки или скажите, чей перевод и где его достать. Я буду Вам глубоко благодарна!

Вот как начинается один отрывок:

«Юноши! Стойте вплотную в бою...»,

а в конце есть такая фраза:

«Шагом широким ступив, пусть зубы стиснет!»

⁴⁰ Ввиду редкости брошюры имеет смысл процитировать этот список целиком: 1. Богословие. Проф. свящ. К. М. Аггеев. 2. Философия. Проф. А. И. Введенский. 3. Общее и сравнительное языкознание. Проф. Л. Щерба. 4. Всеобщая литература. Проф. Ф. А. Браун. 5. Всеобщая литература. Проф. Н. А. Котляревский. 6. Русский язык. Проф. Н. М. Каринский. 7. Русская литература. Проф. В. В. Сиповский. 8. Введение в славяноведение. Проф. Н. В. Ястребов. 9. История славянских народов. Проф. Н. В. Ястребов. 10. Литература славян и польский язык. Проф. П. А. Кулаковский. 11. Античная литература. В. И. Иванов. 12. Сравнительная грамматика индо-европейских языков. М. Г. Фасмер. 13. Русская история. Проф. С. М. Середонин. 14. Всеобщая история. Проф. Э. Д. Гримм. 15. История средних веков. Проф. Л. П. Карсавин. 16. История Греции. Проф. Ф. Ф. Зелинский. 17. История Рима. Проф. П. П. Митрофанов. 18. История искусств. Проф. Б. В. Фармаковский. 19. История Византии. Проф. А. И. Дьяконов. 20. История церкви. Проф. И. Д. Андреев. 21. История древнего Востока. Проф. К. В. Хилинский. 22. Методология истории. Проф. Л. П. Карсавин. 23. Методика истории. Я. Л. Барсков. 24. Педагогика. П. С. Карцев. 25. Методика отечественного языка и словесности. Н. С. Карцев. 26. Латинский язык. В. И. Протасов. 27. Латинский автор. Проф. Зелинский. 28. Греческий язык. С. Цибульский. 29. Английский язык. М. Бёрнес. 30. Немецкий язык. Ф. Ф. Грот. 31. Французский язык. Л. П. Милицына.

⁴¹ ЦГИА СПб. Ф. 52. Оп. 3. Ед. хр. 52. Л. 1; Ед. хр. 6. Л. 1—7; Ед. хр. 8. Л. 52—54. В одном из дел имеется обширное письмо В. И. Иванова администрации курсов от 27 октября 1915 года, удостоверяющее, что весной 1912 года он принял экзамен по греческой литературе у слушательницы С. К. Москвиной. Почти идентичный вариант этого письма сохранился в ИРЛИ (Ф. 607. Ед. хр. 240).

⁴² Биографические данные об этой дочери бедного красноярского чиновника содержатся в ее личном деле: ЦГИА СПб. Ф. 52. Оп. 3. Ед. хр. 29 (по алфавиту учащихся, пагинация отсутствует).

Я успела записать только отдельные фразы.
Начало другого отрывка:

«Что наша жизнь, что наше счастье!»

«Сколько ждет нас в грядущем до смертного часа кручины».

Я хотела Вас лично попросить, чтоб Вы мне одолжили листки с этими отрывками, но не поспела за Вами. Быть может, Вы мне ответите по почте. Адрес мой: Здесь. Главный Почтамт. До востребования. Валентине Васильевне Загоскиной.

Или Вы дадите мне в пятницу эти листки. Я спишу и возвращу Вам в целости.

Мне жаль, что не пришлось принять участие в ваших практических занятиях. У нас в эти часы всеобщая литература.

Думаю, на будущий год мне это удастся сделать.

Простите, Вячеслав Иванович, что я Вас беспокою.

В. Загоскина⁴³

Мы знаем, с каким вниманием Вяч. Иванов неизменно относился к своим ученикам, поэтому и в этот раз, думается, он пошел навстречу своей слушательнице и как-то удовлетворил ее пожелания. К сожалению, передача Загоскиной услышанных стихов неточна: из всех фрагментов бесспорной идентификации поддается лишь последний гекзаметр — это стих из элегии Мимнерма, который был опубликован 28 лет спустя.⁴⁴

Предпринятый выше обзор преподавательской деятельности Вяч. Иванова на курсах Н. П. Раева основан главным образом на официальных документах и на свидетельствах других лиц. Однако в архивных фондах поэта — хотя и далеко не полностью — сохранились подготовительные материалы к лекциям в этом учебном заведении. Их рассмотрение — тема отдельной будущей работы.

⁴³ Загоскина В. В. Письмо к В. И. Иванову от 31 октября 1911 г. С.-Петербург // РГБ. Ф. 109. Карт. 19. Ед. хр. 5. Л. 1—3. Известный интерес для характеристики педагогических талантов Вяч. Иванова представляет письмо к нему студентки Лидии Семеновны Иов (Иоф), написанное 2 декабря 1911 года в Доме предварительного заключения на Шпалерной ул. (видимо, за участие в революционной борьбе). Под влиянием беседы с ним ей очень захотелось «позаняться философией, а экон(омические) науки отложить пока на время» (Там же. Карт. 26. Ед. хр. 60. Л. 2). См. также черновое удостоверение о принятии В. И. Ивановым экзамена по греческой словесности у этой студентки (Там же. Карт. 8. Ед. хр. 36). Биографические данные об Л. С. Иов находим в ее деле в фонде курсов: ЦГИА СПб. Ф. 52. Оп. 1. Ед. хр. 32 (по алфавиту учащихся, пагинация отсутствует).

⁴⁴ Мимнерм. К Нанно («Вдруг распускаемся мы, как листва под весенним дыханьем...») // Нилендер В. О. Греческая литература в избранных переводах. М., 1939. С. 91. Первые два отрывка, цитируемые Загоскиной, по всей видимости, «восходят» к Тиртею. Ср. в переводе В. В. Латышева: «Юноши, бейтесь же, стоя рядами, не будьте примером...» и «Так как потомки вы все необорного в битвах Иракла...» (Латышев В. В. На досуге. СПб., 1898. С. 1—3). Второе из стихотворений перепечатано под названием «Увещание» в кн.: Нилендер В. О. Греческая литература... С. 85—86. Третий стих, по-видимому, также принадлежит Мимнерму. По нумерации М. Л. Веста, принятой в издании «Iambi et Elegi Graeci ante Alexandrum cantati» (Ed. M. L. West. Oxonii, 1971—1972. Vol. 1—2; 2nd rev. ed. 1989—1992), это следующие тексты: Tyrtaeus: 10 v. 15; 11 v. 22; Mimnermus: 1 v. 1; 2 v. 11. Выражаю благодарность С. А. Завьялову за указания, связанные с идентификацией фрагментов.